

© **Гвоздецкая О. А.**

Гвоздецкая О. А. – аспирантка кафедры естественных наук философского факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

УДК: 11:316.772.5:398.25

ФЕНОМЕН «ПРИКОЛА» В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

В статье рассматриваются новые формы коммуникации, возникающие в интернет-пространстве и служащие основой для социализации, в том числе, и вне-виртуальной. Статья написана на основе материала флеш-сериала «Мистер Фримен».

Ключевые слова: интернет-коммуникация, социализация, прикол, булшит.

ФЕНОМЕН «ПРИКОЛУ» В ГЛОБАЛЬНІЙ МЕРЕЖІ

У статті розглядаються нові форми комунікації, що виникають в інтернет-просторі і служать підґрунтям для соціалізації, у тому числі і поза-виртуальної. Стаття написана на основі матеріалів флеш-серіалу «Містер Фрімен».

Ключові слова: інтернет-комунікація, соціалізація, прикол, булшит.

“TRICK” PHENOMENON IN THE GLOBAL NETWORK

New forms of communication which appear in the internet-space and are the ground for socialization including non-virtual socialization are researched in the article. The article is written on the materials of flesh-serial «Mr. Freeman».

Keywords: internet-communication, socialization, trick, bullshit.

Слишком часто мы слышим от философов о смертях: Бога, истории, философии, социального и т.д. Последним по времени удостоилось «смерти» социальное – её зафиксировал Ж. Бодрийяр. В своём эссе «В тени молчащего большинства» он утверждает, что массы – ничто, «непроницаемая и непрозрачная реальность», вокруг которой вращается все социальное [1, с. 7]. Доведя актуальность «массового» до непоколебимой истины, Бодрийяр «убил» всякое социальное, между строк подразумевающееся за «массовым». Аргументация Бодрийяра вовлекает в свой круг, кажется безупречной, и одновременно вызывает у автора этих строк желание с ней спорить, искать точки неправоты.

Попытке оспаривания тезиса Бодрийяра о смерти социального и посвящена данная статья. Мы попытаемся проанализировать некоторые маргинальные феномены современного социального пространства, которые практически не становятся предметом внимания в социальной философии в силу своей неспособности быть подвергнутыми анализу в рамках традиционных исследовательских схем. Их просто не видит социальная философия. На наш взгляд, феномен виртуальной коммуникации должен занять достойное место в социально-философских исследованиях. В качестве теоретической базы исследования мы опирались на многочисленные в последние годы разработки в области медиафилософии (Е. Сурова [8], В. Савчук [7], А. Конева [4] и др.).

В качестве исходного предположения мы позволим себе выдвинуть тезис о том, что именно в сфере виртуальной коммуникации проявляются те новые формы социальности, анализ которых не позволит далее утверждать смерть социального. Объектом исследования в данной статье становится интернет-коммуникация. Предметом же мы позволим себе обозначить феномен "прикола" в пространстве Интернет. Конкретным материалом для анализа является феномен флэш-сериала Фримен, появившегося в сети в 2009 г. Таким образом, целью нашей исследовательской разведки является выяснение специфики сетевой коммуникации в контексте феномена "прикола". Для достижения этой цели мы предлагаем рассмотреть сущность феномена прикола в сравнении с близким по форме, но иным по содержанию феноменом «булшита» (Г. Франкфурт). Мы попытаемся выяснить коммуникативную природу сетевого прикола в контексте проблемы смерти социального. Исходное предположение нашей исследовательской разведки состоит в том, что тезис о молчании масс выдвинут преждевременно - центры социальной коммуникации перемещаются в то пространство, которое не прощупывается традиционными структурами власти (или любой иной формой влияния-управления).

Оттолкнувшись от посылок Ж. Бодрийяра, попытаемся двигаться в русле его рассуждений и терминологии. Актуализация кризиса вне-информационной коммуникации требует нового взгляда на инструменты символического обмена. Перераспределение ролей «создателя» - «потребителя»,

смешение их задач и деятельности, смыывание границ их различия привнесло в гуманитарные исследования потребность в переосмыслении социальных отношений. Преодолевая парадигму «конца» социального, а значит и конца социальных отношений современная гуманитарная традиция, вероятно, последует за обновившимися формами социального. И сегодня такие формы, несомненно, связаны с виртуальной коммуникацией. Коммуникативная составляющая выступает структурообразующей целью виртуального пространства. Именно потребность в самоидентификации и сопоставлении себя с миром являются мотивами обращения человека к сетевым сообществам.

Глобальная сеть в коммуникативном аспекте порождает некоторые специфические формы взаимодействия – анонимное авторство (безымянный автор), диалогическое или полилогическое пространство, «игры с идентичностью» и т.д. Данные взаимодействия, в свою очередь, порождают специфические объекты пользовательского интереса. Одним из них и является феномен «прикола», перекочевавший из устного народного мифа и СМИ в виртуальный мир.

Одной из характеристик современного инфо-мира является феномен прикола. Это понятие сравнительно молодое, оно удачно прижилось в интернет-языке, однако родилось не в сети. Популярный сайт [грамота.ру](http://www.gramota.ru) (www.gramota.ru), объединивший несколько фундаментальных словарей, дает два толкования этого слова. Во-первых, прикол – это свая, кол, вбитая в землю (для причала лодок). Такова, в частности, версия словаря Ожегова. Во-вторых, это шутка, розыгрыш или же выражение восхищения, удивления, восторга («Вот это прикол! Полный прикол»). О происхождении слова и его смыслах спорят до сих пор и, видимо, как часто это случается с жаргонизмами, плотно вживающимися в повседневный язык даже самого образованного человека, этимология «прикола» останется вероятностной. Есть версии, что происходит слово “прикол” от “уколоться”, распространенного изначально среди наркоманов – то есть принять легкий веселящий наркотик. Сферой, породившей “прикол”, называют и тюремный мир. Там “прикол” – это способ испытания новичков в камере. Как бы исследователи ни трактовали это понятие, практически все сходятся в одном: слово “прикол” и его производные “приколиться”, “прикольнo”, как правило, связаны с объектами, вызывающими симпатию. Однако, как нам кажется, еще одним определяющим фактором является цель выработки некой морали. В этом случае можно провести аналогию между “приколом” и басней. Наиболее частым приемом в приколе выступает осмеивание, которое может расцениваться, с одной стороны, как реакция самозащиты (здесь показательны приколы из мира медицины: черный юмор врачей – это прекрасный пример насмешки над смертью и адаптации к ежедневному столкновению с ней). В этом случае, некая мораль выносится самим “прикалывающимся”. С другой стороны, некая мораль может возникать и для того, над кем “прикалываются”.

Если же попытаться в самых общих чертах обрисовать феномен «прикола», то востребованность его в повседневном языке и всю полноту семантической значимости можно передать футуристическими предсказаниями украинского исследователя данного феномена Анны Вчерашней: «Когда-нибудь подобная статья появится в словаре. «Прикол. устар. форма проявления архетипического игрового начала в культуре постмодернизма. Может быть как остроумной речевой фигурой, так и стимулом творчества, регулятивом поведения, образом жизни». Автор также предвидит, что когда-нибудь студенты «изучая карнавал, станут читать Рабле и конспектировать Бахтина. А в преддверии экзамена по «Постмодернистскому приколу» – «смотреть Тарантино, слушать Земфиру, читать Пелевина и восхищаться биографией какого-нибудь безбашенного хакера» [2].

Для поколений, в расцвете сил заставших Советский Союз, «прикол» был выходом социального напряжения. Как пишет Виктор Малахов в статье «Феномен прикол»: «... именно наличие этого аппарата (понимания мира на началах солидарности и свободы), позволяло позднесоветскому человеку, оставаясь, конечно, конформистом, подспудно впитывающим всю мерзость окружающей среды, вместе с тем субъективно никоим образом не отождествлять себя с официальными идеями» [5, с. 409].

Однако сегодня, казалось бы, спасительная миссия прикола исчерпана, и нет необходимости в «солидарности в свободе». Шутить можно о чем угодно, как угодно и где угодно. Такова эволюция прикола, который с годами и сменами эпох не стал менее интересен. Солидарность в свободе как превращение страха в смех не теряет актуальности, но преодолевает уже не страх социальный, связанный с политическими чаяниями, а страх экзистенциальный, рождаемый многовалентностью самой свободы выбора, множественностью открывающихся выборов. И как для гражданина, рожденного в СССР, анекдоты о Чапаеве или чукчах были возможностью отграничиться от идеологии и лозунгов, так и прикол для современного человека – способ откреститься от плюрализма

разоблачений, откровений, признаний в любви и заверений в поддержке, лицемерия, лжи, сообщениях о смерти и болезни, о чудах, сыплющихся отовсюду ежедневно из тысяч электронных устройств. «Прикол» – ярчайшее защитное средство от того, что наскучило, что давно перестало вызывать страх, чего слишком много, что может быть ужасающим, но от частоты мелькания становится лишь привычным.

Прикол как феномен постмодернистской массовой культуры отражает мир, низвергая его в пространство абсурда. Отрицая образ традиционных норм он их, высмеивая, поясняет, толкует совершенно особым, присущим только ему образом. Прикол предоставляет понятный культурный код объекта. Он ничем по смысловой нагрузке не уступает, скажем, научной статье или новостийному тексту, он является более адаптированной версией – например, мультяшным роликом. Прикол отличается от других видов отображения реальности лишь доступностью и легкостью восприятия.

Коммуникативная ценность прикола заключается в том, что он создает общее поле языковых и понятийных практик потребителей. Как правило, прикол воспринимается безусловно, без личностных предубеждений и с удовольствием. Прикол, при самом пером рассмотрении, объединяет людей, но не только, он создает механизм раскодирования некоторой, вполне определенной, им используемой информации. Прикол вводит собственные правила реагирования на мир, главным из которых является принцип иронии и самоиронии. Вспоминается У. Эко: «постмодернизм — это ответ модернизму: раз уж прошлое нельзя уничтожить, ибо его уничтожение ведёт к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности». [10, с. 36] В нашем контексте ироничное ПЕРЕосмысление, смысловая реминисценция трансформируется в прикалывание Автора – универсализированного и безымянного героя-творца текста, информационного повода или же комичной ситуации, размноженной в последствии до миллионов вторжений любопытствующих. В сети прикол – код, созданный анонимно и безнаказанно. В сети прикол – код, также анонимно и безнаказанно потребленный. У прикола нет высокой цели, нет целевой аудитории, нет критериев существования. Прикол – самообеспечивающаяся ментальная структура, действительность которой разворачивается в виртуальном мире, где всегда кому-то да будет до нее дело. И в то же время, прикол обладает фундаментальными постмодернистскими чертами – плюрализмом тем и совершеннейшей свободой мнений, возведенной в степень абсурдного жонглирования параметрами истины-лжи до их окончательного обнуления и потери значимости.

В самом широком смысле, остроумным может быть то высказывание, которое не является ни ложным, ни истинным. Шутка сама по себе тем смешнее, чем бессмысленнее, чем меньше в ней истинного и чем больше она походит на ложь. Поэтому, прикол совпадет с так называемым «булшитом» – на первый взгляд, антикоммуникативным, так как представляет собой исключительно объекты для чистого потребления.

В рамках данной статьи мы считаем уместным более детально остановиться на понятии «булшит». Ввел его в качестве философского понятия принстонский профессор Г. Франкфурт. Термин из эссе американского философа мгновенно подхватили исследователи для определения специфики информативного потока в СМИ. Мы же хотим использовать понятие «булшит» для определения объектов виртуального мира (в том числе, и СМИ), которые абсолютно невозможно оценить в координатах категорий истинности и ложности по причине отсутствия в них истины и лжи.

Итак, что такое «булшит»? Прежде всего, это бессодержательное вербальное наполнение нашего мира, получаемое через СМИ и всеми иными путями потребления информации. «Булшит» не отсылает к неким значимым событиям, он наделяет существованием факты и выдумки, не являющиеся событиями. Франкфурт замечает, что «булшит» ни в коем случае нельзя воспринимать как ложь – «булшит» не искажает истину, он её не видит, он к ней равнодушен [9, с. 28]. Перенося понятие «булшит» в более широкую смысловую сферу, мы можем использовать его для определения масштабных социо-культурных объектов. Таким образом, на ряду с критериями истинности и ложности, возникает третий критерий – «булшитерства». В самом широком смысле, применительно к информации, потребление «булшита» – это погружение в пространство вне смысла. В настоящее время в эксплуатации «булшита» чаще всего обвиняют телевиденье, которое все более становится развлекательным, а не информационным. И если в случае с интернетом выдерживается бивалентность, то ТВ становится однополярным - повсеместно информационные блоки также стремятся стать развлекательными. Новости с сенсационными съемками скрытой камерой, когда частный случай объявляется всенародной тенденцией; когда в прямом эфире запускается интерактивное голосование, которое решит, скажем, покончит ли жизнь самоубийством художник; когда зритель превращается в подглядывающего за героями реалити-шоу; когда олимпийские игры –

символ всемирной безопасности и единения, окрашиваются кровью спортсменов; когда темой дня становятся драки политиков; когда единицей измерения мастерства журналиста является рейтинг. Сателлитам «булшита» являются сенсационность, клиповость, «гламурность» – яркость, дороговизна, как правило бутафорская, симулированный образ – благополучия, эпатажа, стремительного взлета или падения, в общем всего того, что никогда не случится с потребителем в его повседневности. Таким образом, работа тивишников, рекламщиков и политиков, как правило, заключается в том, чтобы старательно пренебрегать истиной. Сегодня это не считается зазорным, сегодня – это элемент экономической целесообразности.

Примечательно, но отличить «булшит» от информации, которая им не является, оказывается не так-то просто. Почти академическим стал пример одного из американских ученых - профессора физики Алана Сокала из Нью-Йоркского университета. В 1994 году он написал статью «Пересекая границы: К вопросу о трансформативной герменевтике квантовой гравитации». В ней он рассуждал о терминологии квантовой физики, обильно приправляя эти рассуждения ссылками на Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра, Ж. Делёза, Ж. Лакана. Через некоторое время вокруг этого текста развернулись нешуточные дебаты. Однако позже сам автор пояснил, что его статья – «полная чепуха». Она представляла собой пародию на современные философские исследования и была лишена какого-либо смысла, как с точки зрения философии, так и с точки зрения физики. Этот текст был классическим научным «булшитом» – то есть его идеи были вне какого-либо смысла, однако его читатели приняли «чепуху» кто за истину, кто за ложь.

Бытует мнение, что «булшит» существовал всегда, и утверждение, что он заполнил все информационное пространство именно сейчас, преувеличено. Однако при нынешних законах тиражирования, массовости, конвейерности во всем – от политики до искусства – запрос на правду (на нечто истинное, душевное – от политики до искусства), просто невозможно удовлетворить. Поэтому производится нечто подобное правде, что не является ложью. Таким «суррогатом искреннего» можно кормить потребителя все 24 часа в сутки. Таким образом, решается вопрос спроса на истину. В парадигме постмодернистской философии подобная подмена выглядит вполне целесообразной и оправданной. Массовость истины, перетекающая в глобальную псевдо-правду, собственно и дает основания рассуждать о конце социального. Человек, не способный отличить истину от «булшита» (не нуждающийся в различении?), вряд ли может быть назван активной ячейкой социума. Он больше походит на классического потребителя, способного только на молчаливое, в смысле корней молчащего большинства, потребление. Однако, в то же время, в популярности булшита можно увидеть упертый и скрупулезный отказ от массового вовлечения во всевозможные социальные симуляции, от необходимости постоянно интерпретировать посылаемые СМИ коды, выяснять, где истина, а где ложь. Подобный феномен в современной культуре описан в статье «Пространство отторжения (штрихи в портрете «молчания масс»)» О. А. Довгопой. К «булшиту», скажем, в литературе обращаются, дабы забыться [3]. Часто люди, которые предпочитают развлекательную, легкую литературу, способны оценить собственное предпочтение и признаются, что они таким образом отдыхают от действительности. Однако сегодня тенденция к подобного рода отдыху принимает размах образа жизни. Краткие минуты отдохновения в повседневности превращаются в общекультурный бренд забвения. Молчащее большинство – это, прежде всего, люди, утомленные многовариантностью предлагаемых им жизней. Для них куда проще окунуться в информационное пространство вне смысла, чем бороться за правду в море информационного подлога.

Мы смеем утверждать, что молчание большинства – не заданная константа, а скорее точка отсчета, ноль в многоосевой системе координат социальных процессов. Молчание масс – не генетически-социальный недостаток общества, не приобретенный иммунитет к разного рода глобальным потрясениям. Мы предполагаем, что нежелание отвечать на вызовы посланий и прикованный интерес к «булшиту» связаны с отвержением, неприятием информативного поля, которое «булшитом» не является. Отрицание серьезности мира приводит к увлечению легкими формами его проявления. Беллетристика, реалити-шоу, сериалы... лишают важные элементы действительности трагизма бесповоротности. Совсем иная ситуация с приколом. Он, даже в самом далеком приближении, не может быть булшитным, так как по содержательному наполнению не безразличен к тем формам бытия, о которых толкует. Объединяя заинтересованных этими формами, приколы создают почву для коммуникации, ответного слова пользователей, и возможно, его анонимного творчества в новом приколе. Люди хотят быть включены в безопасное и комфортное пространство, что и обеспечивает им яркий и насыщенный аудиовизуальный мир «булшита». В то же время, некой

антитезой булшиту выступает прикол, питающийся им и его обесмысливающий. Прикол посягает на «серьезное» со всей присущей ей серьезностью, но переворачивает это «серьезное» вверх тормашками - «серьезную» политику превращает в сборище лгунов, пьяниц, кокаинистов, любителей халявной любви; жизненный мир – в матрицу, чат, гонки на выживание, любовь – в любoff; доверие – во флуд и фейм. И все это, к тому же, смешно! Прикол – метафизическое (с точки зрения, по ту сторону) зеркало, в которое заглядывает человечество, чтоб смеясь или ухмыляясь рассматривать свои же недостатки.

В бурном сетевом пространстве человеку приходится двигаться от «серьезной» информации к «булшиту» и от него к приколу. В первом случае на лицо усталость от «серьезного» и истощение границ доверия в отношении правдивости таких посланий и возможностей человеческой эмпатии для их восприятия. Во втором – желание взглянуть на жизненный мир как бы сверху, с позиции человека, разгадавшего всю подноготную ситуации и теперь смеющегося над ней. За частую, и такое обладание «истиной» иллюзорно, так как суть того, что использует прикол – не тайна и она известна всем, кто прикол понял (прикололся, въехал), однако ощущение приобщения к некой скрытой (а может быть, и явной) истине присутствует. Кроме того, такая истина поправа, осмеяна и преодолена, она в зеркале прикола уже не преграда, не табу, не норма, не традиция, а высмеянное Нечто или же Ничто. В случае прикола всякий социальный сакральный смысл превращение в ничто. И такое обнуление значения является одной из главных причин популярности и коммуникативности прикола.

В чем же уникальность Фримена? Черно-белый человек детально и с нескрываемым удовольствием препарирует человеческую повседневность. То разглядывает обывателя под лупой, то перемалывает его в мясорубке, то жадно пожирает. Фримен исключительно эпатажный герой, заявляющий, что его цель - растаптывать стереотипы. Казалось бы, герой претендует на мессианскую роль – он пришел, чтобы освободить человечество от груза их несвободы, притом сделать это максимально анархистски. Однако ничего нового, как стоило бы ожидать в связи с первыми заявлениями, Фримен не сказал. Мессия только тем себя и оправдал, что ответил чаяниям запуганных мировыми заговорами, зомбированием СМИ и гипнозом цыган.

Сам мистер Фримен иногда дает интервью. Несомненно, делает он это по электронной почте или с помощью специальных голосовых программ – так, интрига авторства, а значит, и источника сохраняется вот уже более года (немыслимо для информационного мира, где можно проследить все что угодно). Фримен признается, что призывает людей перед потреблением задуматься о созидании, и на вопрос о том, что к этому призывали многие и до него, отвечает, что их методы уже не действенны, современный потребитель нуждается в шоковой терапии словом.

Таким образом, революционность Фримена заключается исключительно в форме, в которой он рассуждает о социальном укладе и человеческой природе. Однако, несмотря на явное отсутствие целеполагания – самая критичная критика находит грешников даже в раю – ролики с Фрименом крайне востребованы. Вероятно, секрет кроется в том, что пользователь находит в них отдушину от череды гламурно прилизанных, визуально нагроможденных, утомительно ярких и слишком часто мигающих нарезок информационного потока. В бурном потоке перемешанных без всякого порядка кодов вдруг отыскивается надежная устойчивая глыба абсолютного нигилизма, способного при необходимости в пыль изничтожить даже саму себя, что, вероятно, и произойдет с Фрименом в конечном итоге.

Язык Фримена весьма изыскан, с элементами грубого, местами уничижительного обращения к зрителю. Приносим читателю извинения за отступления от академического языка - иначе цитаты будут невозможны. Главный порицаемый Фрименом жизненный принцип он формулирует коротко – «жрать-срать-ржать». На первый взгляд остро, однако как бы не выкручивался пользователь на своей шаткой жизненной позиции, избежать первого и второго ему никак не удастся, а к третьему собственно приводит лицемерие Фримена. Герой обращается к физиологическим потребностям вполне в традиции поп-арта, видя в них низменное, недостойное стремление. По его утверждению, человек тратит треть жизни – на сон, треть – на жрать-срать-ржать, и треть – на ненависть к любимой работе (часть 8). Самое часто употребляемое слово у Фримена – «гАвно». Оно описывает всех потребителей, отношения между ними, их умершие, невоплощенные мечты.

Проект “Мистер Фримен” видится нам неудавшимся социальным экспериментом, задуманным как циничный прикол над нормами существования современного человека, как симуляция значимости поправки традиций. И интерес к нему, споры вокруг объективности его обвинений значимы уже только потому, что они существуют. Предпочтение прикола «булшиту» – это новый уровень озабоченности миром, отличающийся ироничным преодолением тревоги за него.

© Глазунов В. В.

«Булшит» – продукт навязываемый. Популярен он везде (ТВ, радио, газеты), но только не в Интернете. В сеть все чаще приходят для того, чтобы соприкоснуться с приколом, с тем, что запрещено цензурой к показу другими источниками. Прикол формирует своеобразное пространство свободомыслия и легкости в восприятии Другого. Отключение от повседневного мира сопровождается одновременным подключением к нему же, только через другую точку входа; происходит своего рода инициализация интересом к действительности, озабоченность миром трансформируется в иронию по отношению к нему, но от этого, безразличия к миру больше не становится. Его несовершенство все также манит и в нем все также проявляется сама суть жизни, ее динамика. Прикол позволяет видеть повседневность сквозь ментальные «розовые очки», адаптируясь к страшному и Чужому. Прикол – всегда пространство свободы на фронте экспансии «серьезных», «взаправдашных» символов, знаков и смыслов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Жан Бодрийяр. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. — 72 с.
2. Вчерашняя А. Прикол как фактор современной культуры / А. Вчерашняя // Дикое поле. - 2002. - № 2. — с. 35-40. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=88.
3. Довгополова О.А. Пространство отторжения (штрихи к портрету «молчания масс») / О.А. Довгополова // Наукове пізнання: методологія та технологія. — 2004. — № 1(13). — С. 110–115.
4. Конева А. Мода в социальном бытии: от включенности к исключительности. Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. - Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. — М.: Новый хронограф: Эйдос, 2009. — С. 127-145.
5. Малахов В. Уязвимость любви / В. Малахов. — Киев: Дух и Литера, 2005. — 539 с.
6. Менжулин В. Пусте, смішне та сумне у сучасній філософії // Докса: збірник наукових праць з філософії та філолог — Одесса: ОНУ ім. Мечникова. — 2006. — Вип. 9. - С. 111-118.
7. Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины / В. В. Савчук // Медиафилософия : основные проблемы и понятия. — 2008. — С. 7-39.
8. Сурова Е.Э. Динамика идентичности в условиях глобализации / Е. Э. Сурова // STUDIA CULTURAE. — 2003. — № 5. — С. 50-82.
9. Франкфурт Г. О брехне. — М: Еврова, 2008. — 119 с.
10. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». — СПб: Симпозиум, 2005. — 96 с.

Глазунов В. В. – кандидат філософських наук, доцент кафедри гуманітарних дисциплін та директор інформаційно-аналітичного центру Класичного приватного університету (м. Запоріжжя).

УДК 323.31(477) (045)

СУЧАСНА УКРАЇНСЬКА ЕЛІТА: ОЛІГАРХІЧНИЙ АСПЕКТ

У статті розглядаються характеристики сучасної української політичної еліти. Аналізуються особливості її формування, спадкоємність зазначеного процесу, роль і місце в сучасній політичній системі. Обґрунтовується замовлення на формування специфічної політичної еліти з боку домінуючої в політичній системі соціальної групи олігархів. Підкреслюється взаємозв'язок і взаємозалежність процесів формування політичної системи та політичної еліти. Показується роль бюрократії та гуманітарної інтелігенції у виконанні соціального замовлення олігархів на формування політичної еліти відповідного рівня; формальний характер сучасних еліт, їх принципову нездатність до реформування політичної системи.

Ключові слова: політична еліта, політична система, соціальна група олігархів, олігархічна гегемонія.